

Вступительное рассуждение
об истинном понятии философии и совершенной необходимости
оной, имеющее быть защищенным для соискания степени
доктора философии в Императорском университете,
в Харькове основанном, составил Андрей Дудрович.
Харьков, в Университетской типографии, 1814.

§ 5

Любовь к истине и влечение к ней заложены во всех нас словно некий божественный свет; пока он не потушен пред-рассудками и извращенным развитием ума, человек повсюду и несмотря ни на какие препятствия неутомимо разыскивает абсолютную истину. Если способ, каким это происходит, считать свойством рода человеческого, то способ этот один и тот же у всех людей и во все времена. И что всегда было присуще ЭТОМУ способу разыскания истины — это чувство несовершенства, или противоречивости. Побужденный этим чувством несовершенства, я сам искал, ищу и всегда буду искать истину. Я счастлив, что мне довелось жить в те времена, когда идут горячие споры и за и против изучения философии. Еще в годы моей ранней юности, когда мне посчастливилось приобрести некоторые практические познания в гуманитарных предметах, я ясно представлял себе множество возражений. Однако не в моих силах было разрешить возникавшие противоречия, да я и не слишком беспокоился из-за того, что многие из них оставляли меня равнодушным. Вот когда возражения были направлены против истин, составляющих все достоинство человека — к этому я уже не относился так безразлично. Тогда я испытывал стойкое и непрестанное тяготение к гармонии, или к достижению истины. Но способа, каким я мог бы этого достичь, я не нашел ни у наставников, ни в их учительских предписаниях. Одну лишь философию я считал той безопасной и благополучной гаванью, к которой можно доплыть из столь бурной пучины, и горел необычайным желанием как можно скорее приступить к занятиям этой божественной наукой. Учение Канта о пространстве и времени, которого весьма кратко коснулся преподаватель философии, внушило мне огромное желание, завершив курс философии и сократив мои занятия юриспруденцией (...), вернуться к изучению трудов этого знаменитого философа. Но удовлетворить свое желание я смог не прежде, чем достал все его книги. Откровенно признаюсь, как только я заглянул в критическую философию бессмертного Канта, я немного успокоился, ибо из нее понял, что вещи резко разделяются между собой — на *феномены* и *ноумены* (те же вещи, только представленные мысленно). Кант на основании полного кризиса чистого разума убедительно доказывает, что вещи созерцаемые (на самом деле противоречат себе) и что

все наши теоретические представления о них приходят к противоречиям. Тем не менее, однако, эти противоречия никоим образом не относятся к вещам, поскольку они существуют сами по себе, или к самим ноуменам. Следовательно, все несоответствия, обыкновенно наблюдаемые в сфере опыта, есть только видимость, а в вещах, существующих сами по себе, по всей вероятности, не имеют места. Поэтому вещи, существующие сами по себе, мы, согласно мнению Канта, не способны познать ни при каких обстоятельствах, ибо они не могут быть объектом никакого опыта. Тем-то и устраняется всякое противоречие, что мы признаем, что не знаем ничего, кроме *феноменов*. Эта кантовская формула должна привлекать к себе всякого, кому уже достаточно надоел догматический способ философствования, ибо она кладет конец мучениям, которые угнетают разум, повсюду ищущий гармонии. Вот истинная причина того, почему так много достойных людей, особенно в Германии, с готовностью приняли критическую философию.

§ 6

В своей «Критике чистого разума» Кант пытался до основания низвергнуть все то, что служит для доказательства самых святых истин. Однако достойно сожаления, что критическая философия не доставляет нам никаких более пригодных принципов. Если следовать той дорогой, которую прокладывает критическая философия, то самое ревностное изучение последней не принесет ничего другого, кроме систематического скептицизма в отношении всего того, что для человека свято, не говоря уже о всякого рода истине. Если ум человеческий привязан только к опыту, если он не способен познавать вещи, выходящие за пределы всякого опыта, — вот тут-то и нужно опасаться, как бы не обмануться в идее бессмертия нашей души, ее свободы, существования божьего. Впрочем, Кант полагает, что в этом отношении он отыскал истине хорошую поддержку в *разуме практическом*, который побуждает нас даже против воли верить в те святые истины, от которых зависит человеческое счастье. Но между *верить* и *знать* — огромная разница. Практический разум никак не может убедить нас в реальности этих идей, если за теоретическим разумом отрицать противоположную способность — познавать вещи, существующие сами по себе. Один и тот же разум в своих теоретических и практических функциях никоим образом не может себе противоречить. Стало быть, то, что теоретически содержит очевидное противоречие, точно так же должно противоречить себе и практически. Но противоречие является очевидным тогда, когда при определенном способе рассуждения, единственном и наилучшем с точки зрения теоретического разума, как тезис, так и антитезис могут быть доказаны одинаково строго.

Соответственно это имеет место в антиномиях, выдвинутых Кантом, которые касаются как раз тех самых истин, от реальности которых зависит все достоинство человека¹. Если, следовательно, с точки зрения теоретического разума, совершенно невозможен способ рассуждения, превосходящий тот, что имеется в момент рефлексии (чего по сути дела хотя бы и не имеет Кант), то с объективной истинностью положений, относящихся к вещам невидимым, навсегда покончено. Никакое требование практического разума у человека, рассуждающего надлежащим образом (а это совершенно невозможно), — нельзя сделать возможным, или реальным. Итак, отсюда явствует, что либо объективной истины, идет ли речь о познании феноменов или о том и тогда как следствие, с точки зрения самого теоретического разума, нужно допустить такой уровень познания, при котором снимались бы все противоречия; либо же, если это невозможно, и теоретический разум тонет в сплошных противоречиях, неизбежно придется отрицать возможность всякой объективной истины, которая может быть доказана теоретическим способом незримых вещей.

§ 7

Величайшей заслугой всех философских направлений Германии является то, что они со всем пылом защищают и стремятся сохранить в неприкосновенности те святейшие истины, от которых зависит достоинство человечности. Даже бессмертного Канта не смутило то обстоятельство, что он, по-видимому, до конца постиг ограниченность человеческого ума, вплоть до признания, что люди ни при каких обстоятельствах не способны познать то, что превосходит всякий опыт; — напротив, он, побужденный определенным чувством гармонии, так возвышенно и глубоко, с такой душевной страстностью изложил предмет нравственности в очевиднейших основоположениях, заимствованных из самой природы разума, но никоим образом не из области опыта, — что, если отвлечься от тех пределов, которыми он в «Критике чистого разума» ограничил познавательную способность, нужно признать, что в этой сфере он превзошел всех философов, какие только были. Его так называемые *постулаты* практического разума на деле суть не что иное, как самые строгие и наглядные доказательства, выведенные из самой возможности разумного существа. И сам Кант никогда не утверждал бы, что теоретический разум им противоречит, если бы не считал, что его должны составлять теоретические представления исключительно в формах, свойственных интеллекту².

Кант³ точно так же, как и стоики⁴, полагал, что человек, преданный добродетели, всегда должен повиноваться законам практического разума — даже если бы не было никакого бес-

смертия душ и не существовало бы никакого святейшего существа.

— Добродетель, ты — божественный дар: всякий, кто действительно познает тебя, будет стремиться к тебе отнюдь не в надежде на выгоду или вознаграждение. Но сколько на самом деле найдется людей, которые могут быть уверены, что будут постоянно следовать этому божественному побуждению? Будь человек чистым духом, он вообще не чувствовал бы никаких других потребностей, кроме удовлетворения этого святейшего побуждения; но поскольку природа человеческая есть синтез механического тела и ума, то человек поневоле ощущает свои нужды, в том числе и те, что вытекают из его животной стороны. Эти последние весьма часто не только не согласуются с желанием разума, но, скорее, диаметрально им противоположны, так что удовлетворить и те и другие одновременно никак нельзя. Следовательно, если встретятся затруднительные случаи, когда, например, от удовлетворения чувственных желаний, при равнодушии к желаниям, основанным на разуме, зависит сохранение жизни, имущества или почета, даже мнимого, я, право, не знаю, какой человек, хотя бы самый преданный добродетели, не испытает душевных колебаний. В подобном случае он ясно ощущает преобладание чувственных потребностей над разумными и едва ли поступитя первыми ради вторых, полагая, что идея бессмертия души и существования Божества может нас обманывать, или, по крайней мере, быть лишенной реальности; намереваясь поступить не так, как обычно, он поступит по привычке, механическим образом. Такая манера рассуждения и действия, которая, стань она всеобщей, разрушает счастье всего рода человеческого, — сама по себе понятна.

Следствие из Кантовой философии — поскольку мы пожелали бы синтетически соединить критику теоретического разума с критикой практического разума, — заключается, стало быть, в том, что она касается представлений о вещах, которые суть сами по себе, отнесенных к нравственным истинам; а это совершенно неизбежно, если должен иметь место один разум. Не лучше обстоит дело и в отношении теоретических истин. Если наши представления относятся исключительно только к феноменам, если нам никоим образом нельзя познать их ноумены, тогда, право же, вообще исчезает всякая объективная истина. Сами кантианцы прямо учат, что все наши знания суть не что иное, как игра ума или фантазии: ведь если они относятся к вещам, насколько последние показывают себя в явлении, тогда то, что является, конечно, совершенно отлично от того, что представляет собой основу всякого явления и что само, как ноумен, никогда не может являться. — В таком случае нужно признать, что на деле мы ничего не знаем; ведь нам важно знать не то, каким образом вещи являются, а то, как

они существуют *сами по себе*. Если мы познаем вещи сами по себе, нам будет легко установить, и каким образом они являются, тем более, как они должны являться. Если бы истинная реальность феноменов покоилась на их являющемся существовании, то она, конечно, превратилась бы в ничто перед лицом противоречий, обременяющих подобный образ существования. Таким образом, совершенно ясно, что если бы мир, который представляет нам наша рефлексия, был по сути дела таков же *сам по себе*, каким является, то он абсолютно не был бы возможен. Но вселенная предстает перед рефлектирующим разумом не иначе, как в виде синтеза *объективности и субъективности*, или материи и духа. Однако материя и дух абсолютно противоречат друг другу, если они таким же образом суть сами по себе, каким это выглядит внешне. Как же тогда, в таком случае, возможна связь между материальным и духовным мирами, чтобы мир воспринимался единым? Ведь тогда мир, несмотря на то, что о его существовании свидетельствует опыт, постичь невозможно; ибо то, что состоит из противоречащих друг другу свойств, никак не существует. Отсюда следует, что как материю, так и дух следует мыслить себе совершенно не так, как они являются.

¹ Kants Kritik der reinen Vernunft. Fünfte Auflage, S. 454.

² Kants Grundlegung zur Metaphysik der Sitten; Kritik der praktischen Vernunft.

³ Kants Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft.

⁴ Abhandlung für die Geschichte und das Eigentümliche der spätern Stoi-schen Philosophie.

Публикация З. А. Каменского.

Перевод с лат. А. А. Столярова.

З. КАМЕНСКИЙ

Еще о школе Шада. Послесловие к публикуемым диссертациям

В этом выпуске «Кантовского сборника» мы продолжаем публикацию переводов диссертаций школы харьковского профессора И. Шада, в той или иной мере посвященных философии Канта (первые две публикации см. в «Кантовских сборниках» 6 и 7). В этом выпуске публикуются перевод диссертации Г. Гесс де Кальве и отрывок из диссертации А. Дудровича.

Диссертация Гесс де Кальве имеет одну важную особенность, о которой сообщает он сам: «Я первый среди прочих сочтен был достойным при-суждения доктора философии от этико-политического факультета и акаде-мического сената Императорского Университета, в Харькове процветающего».

Действительно, его диссертация, защищенная в 1812 году, была первой во всей серии диссертаций этой школы, и она, так сказать, задала тон всему «оркестру». Все сочинения имели полемической задачей критику философии Канта, а исходной позицией, теоретической опорой — философию Шеллинга.

О самом Гесс де Кальве известно больше, чем о других диссертантах школы Шада. Во-первых, потому, что к диссертации приложена краткая автобиография, охватывающая время от рождения до момента написания